

**NOVGOROD
AND NOVGOROD REGION
HISTORY AND ARHAEOLOGY**

**(Materials of the scientific conference:
Novgorod, January 28–30, 2003)**

Issue 17

**Veliky Novgorod
2003**

**НОВГОРОД
И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**

**(Материалы научной конференции:
Новгород, 28–30 января 2003)**

Выпуск 17

**Великий Новгород
2003**

¹ НЗЛ // ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 172; Н4Л // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Л., 1925. С. 456; 498.

² НЗЛ // Новгородские летописи, изд. Археографической комиссией. СПб., 1879. С. 312.

³ Петров Д. А. Архиепископ Иона Отенский как ктиор новгородского церковно-строительства // *Russia Mediaevalis*. Tomus VIII, 1. Munchen, 1995. S. 116–117.

⁴ Летопись Авраамки (ЛА) // ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889. Стлб. 199–200.

⁵ Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском // ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 362, 364.

⁶ ЛА. Стлб. 219.

⁷ Опись Новгорода 1617 г. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 41.

⁸ Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899. С. 83, 90.

⁹ Тихомиров М. Н. Новгородский Хронограф XVII века // НИС. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 107.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гордиенко Э. А., Петрова Л. И. Опись вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари 1763 г. Публикация и комментарий. НИС. Вып. 5(15). СПб., 1995. С. 230, 239–240.

¹² Петров Д. А. О границе Владычного двора, Софийского буевнища и Околота в XIV–XVII вв. // Он же. Проблемы исторической топографии Новгорода. (Новгородские древности. Вып. 4. Архив архитектуры. X). М., 1999. С. 72.

¹³ Петров Д. А. Архиепископ Иона Отенский... С. 130.

¹⁴ В тексте Семисоборной росписи храм описан отдельно от надвратных и сенных церквей.

¹⁵ Антипов И. В. Сторожня на новгородском Владычном дворе // ННЗ. Вып. 17 (в печати).

¹⁶ В 1447 г. в Благовещенском монастыре на оз. Мячино была перестроена надвратная Богоявленская церковь 1180–1182 гг. /ЛА: стлб. 190/. Именно это известие и явилось, как нам кажется, причиной того, что исследователи до сих пор не обратили внимание на то, что в Семисоборной росписи упоминается храм Богоявления 1466 г. Так в некоторых работах Э. А. Гордиенко (*Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского Кремля*. Л., 1991. С. 15) и Д. А. Петрова (*Петров Д. А. Письменные источники об архитектурных связях Новгорода и Пскова с немецкими городами в XV веке // Проблемы изучения древнерусского зодчества*. СПб., 1995. С. 119) известие 1447 г. соотнесено с Богоявленским храмом на Владычном дворе. В дальнейшем исследователи обратили внимание на эту ошибку, что не привело, однако, к корректировке даты Семисоборной росписи.

¹⁷ Д. А. Петров указывал на то, что в Росписи не упоминается церковь св. Симеона Богоприимца 1467 г., которая изначально была «мирской» (в то же время, в тексте упоминается приходской храм св. Петра и Павла в Кожевниках, также находящийся за валом вблизи церкви св. Симеона), следовательно, возможная дата составления Росписи — 1463–1467 гг. Версия Д. А. Петрова кажется маловероятной — если предположить, что церковь св. Симеона Богоприимца должна была попасть в Роспись, то оказывается, что датировка источника сужается не только до одного года, но даже до одного месяца: документ мог быть составлен только в сентябре 1466 г. — 3 июля заложена церковь Богоявления, строительство

которой не могло завершиться раньше начала сентября, а 1 октября освящена деревянная Симеониевская церковь (датировка деревянного храма по ЛА 1466 г. наиболее достоверна). Подобная точная дата, вероятнее всего, свидетельствует об ошибочности рассуждений. В этой связи вряд ли стоит учитывать факт строительства Симеониевского храма при изучении вопроса о точной датировке источника.

А. А. Гиппиус

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЦЕРКОВНОГО УСТАВА ВСЕВОЛОДА

«Устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых», известный также как Церковный устав Всеволода (далее УВс), церковная традиция связывает с именем Всеволода-Гавриила Псковского. Между тем, как давно установлено, памятник этот не только не представляет собой оригинального установления Всеволода Мстиславича, но, изобилуя анахронизмами относительно его эпохи, не может принадлежать ей целиком, в том виде, в каком он дошел до нас. В основополагающей для изучения УВс работе С. В. Юшков показал, что главный его источник — Устав князя Владимира (УВл) — был использован в УВс в своей Синодальной редакции, достаточно далеко отстоящей от вероятного архетипа и созданной не ранее XIII в.¹ Одновременно С. В. Юшковым были выделены в УВс несколько фрагментов, содержащих оригинальный материал, отсутствующий в УВл. Дискуссии, более полувека ведущиеся вокруг происхождения УВс, связаны прежде всего с интерпретацией этих оригинальных фрагментов. Сам С. В. Юшков считал их восходящими к подлинному акту XII в., изданному Всеволодом Мстиславичем и использованному при составлении УВс. Этот взгляд был воспринят М. Н. Тихомировым² и Б. А. Рыбаковым³, но не нашел поддержки у исследователей, специально занимавшихся УВс. А. А. Зимин не считал возможным относить сложение памятника в целом ко времени ранее конца XIV в.⁴ В. Л. Янин, разделяя точку зрения С. В. Юшкова об отражении в УВс подлинного древнего акта, отнес этот акт к началу XIII в., отождествив его издателя с Всеволодом Мстиславичем, княжившим в Новгороде в 1219–1221 гг.⁵ Я. Н. Шапов видит в УВс фальсификат конца XIII в., основанный на Синодальной редакции УВл⁶.

Новая трактовка новгородского источника УВс была совсем недавно предложена Б. Н. Флорей⁷. Анализ содержания установ-

лений УВс о торговом суде и мерилх привел исследователя к выводу о появлении этих нововведений в 70-х — 80-х гг. XII в. Сильнейшим дополнительным аргументом в пользу такой датировки является идентификация бирича Мирошки, названного среди участников княжеского совета, на котором был принят устав, с сыном убитого в 1167 г. бирича Несды (Незды), известным Новгородской летописи как посадник Мирошка Нездинич (1189–1203). Издателя акта князя Всеволода Б.Н.Флоря отождествляет с владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо, который, хотя сам и не княжил в Новгороде, фактически управлял им через своих ставленников — Ярослава Мстиславича (1176–1177) и Ярослава Владимировича (1182–1184, 1187–1195, 1196–1199). Хронологические рамки создания рассматриваемых установлений ограничиваются тем самым с одной стороны 1176 г., когда Новгород впервые получил князя от Всеволода Юрьевича, а с другой — 1189 г., когда Мирошка Нездинич был избран на посадничество. В этих пределах Б. Н. Флоря называет в качестве возможной даты издания документа 1182 г., когда на новгородский стол впервые сел Ярослав Владимирович.

Хотя, по ряду соображений, отождествление издателя УВс с Всеволодом Юрьевичем кажется нам маловероятным, факт наличия в памятнике новгородского материала, относящегося к последним десятилетиям XII в. (до 1189 г.), мы считаем убедительно доказанным Б. Н. Флорей. Главный вопрос происхождения дошедшего до нас текста сводится, следовательно, к тому, когда и как этот материал был соединен с текстом УВл. Использование последнего в Синодальной редакции, свидетельствует, казалось бы, о том; что это соединение произошло относительно поздно путем компиляции двух разновременных документов, что и предполагает Б. Н. Флоря. Сходным образом понимал происхождение текста и С. В. Юшков, относивший оригинальный новгородский материал УВс ко времени Всеволода Мстиславича.

Эта точка зрения, однако, вступает в противоречие с общей закономерностью формирования подобного рода текстов, сформулированной Я. Н. Щаповым: «Сложение и развитие княжеских уставов, как показывает изучение многих их текстов, происходящих со всех частей Руси, шло путем дополнений или сокращений, которым подвергались древние, ставшие каноническими памятники, прежде всего устав Владимира. Создавались новые уставы, издан-

ные от имени местных князей, основанные на материалах старых уставов или не связанные с ними непосредственно, текстологически. Происходило сличение и «исправление» одних списков по другим спискам того же вида, извода, той же редакции; создавались новые обработки в результате сличения и «дополнения» материала одних редакций устава другими. /.../ Несомненных случаев создания уставов в результате слияния двух различных памятников, принадлежавших различным князьям, неизвестно. Другое дело — создание устава, изданного от имени нового князя и содержащего современные ему постановления, но основанного на материалах устава Владимира»⁸. Именно таким образом и был, как считает Я. Н. Щапов, создан в конце XIII в. УВс. Как отмечает исследователь, «три фрагмента древнего устава, обнаруженные Юшковым в составе изучаемого памятника, представляют собой не куски текста, не зависимые от остального устава, а те статьи Синодальной редакции устава Владимира, которые потребовали наиболее значительной переработки во второй половине XIII в.»⁹.

С последним утверждением нельзя не согласиться. Положения УВс, касающиеся торгового суда и мерил, разнесены по двум частям памятника, помещаясь в статьях 4–6, 13 и 15¹⁰. При этом статьи 4-5 действительно воспроизводят в сильно расширенном виде структуру статей 5-6 Синодальной редакции УВл, а в статье 15 оригинальный материал вплетен в текст статьи 15 УВл.

Особый интерес представляет в данном отношении статья 13 УВ: *А о всѣхъ что преди писано, дръжахъ за своими боляры, аже они обидять гостей, а гдѣ живутъ, тымъ нарываютъ, а князю душу топлятъ*. В комментарии к УВс Я. Н. Щапов пишет: «Статья не имеет аналогии в Уставе Владимира, и значение ее не совсем ясно. Можно понять, следуя переводу М. Шефтеля, что все, относящееся к *переди писано*, князь прежде поручал своим боярам, но они притесняли *гостей* — крупных купцов и оказывали предпочтение тем купцам, которые жили около них. Однако слово *переди* значит ранее и должно относиться к предшествующим статьям, а не к последующим, где речь идет о закреплении городскими мерилами и весами за епископом»¹¹. Между тем «всѣ», что предшествует статье 13 явно не подходит под эту характеристику. В результате статья в целом выглядит довольно невразумительной.

Выход из этого тупика заключается, на наш взгляд, в простей-

шей конъектуре: вызывающее недоумение исследователей слово *всѣхъ* есть скорее всего искаженное *всѣхъ* после раздела о церковных судах. Устав здесь вновь возвращается к проблеме мерил и весов (ср. далее в пункте 15: «торговья *всѣ* *вѣсы*, мѣрила и скалвы воцанья и пуд медовыи...»). Начало статьи следует в таком случае переводить: «А что касается весов, о которых написано выше, то их я поручал (до сих пор) своим боярам...». После статей, посвященных церковным судам, УВс здесь вновь возвращается к уже затронутой проблеме мерил. Восходя, таким образом, к акту конца XII в., ст. 13 также имеет смысл лишь в рамках композиции Устава Владимира.

Очевидно, таким образом, что оригинальные фрагменты УВс были с самого начала «встроены» в текст УВл. Но если эти фрагменты были написаны в конце XII в. (что убедительно показал Б. Н. Флоря), то таким текстом никак не могла быть Синодальная редакция, сложившаяся не ранее второй половины следующего столетия. Значит, по Синодальной редакции УВл текст УВс был лишь отредактирован и дополнен в XIII в., приобретя таким образом известный нам вид, — первоначально же он основывался на другой, более ранней версии этого памятника. Свидетельством этого могли бы быть проявления текстологической неоднородности восходящего к УВл текста УВс. Они, действительно, обнаруживаются.

Примечательна в этом плане композиция статей 9 УВс и УВл, содержащих перечни церковных судов. В Синодальной редакции УВл этот перечень был дополнен по сравнению с архетипом Синодально-Волынской группы, двумя вставками: 1) *потворы, чародѣянія, волхования* и 2) *или два друга имета ся бити, единого жена иметь за лоно другаго и роздавить, или кого застануть съ четвероножиною, или кто молиться подъ овиномъ или в роценьи, или у воды, или дѣвка дѣтя повържетъ*. С минимальными разночтениями эти тексты читаются и в УВс, однако здесь они располагаются не на тех местах, где находятся в Синодальной редакции УВл. Конечно, составитель УВс мог и перекомпоновать статью своего источника, однако невозможно объяснить, почему эта перекомпоновка коснулась только тех фрагментов, которые в самом этом источнике были вставками. Следовательно, эти фрагменты статьи 9 и в УВс являются вставками в уже существовавший ранее текст, сделанными на основании Синодальной редакции УВл. Похожее, заметим, имеет место в Археографическом изводе УВл, который, как

показал Я.Н. Шапов¹², был также отредактирован по Синодальной редакции: слова *потворы, чародѣянія, волхования* и здесь читаются «не на своих местах» (но и не там же, где в УВс),

С другой стороны, «не на своих местах», по сравнению с Синодальной редакцией, находятся в УВс целые заимствованные из нее статьи. Так, статьи 20 и 21 помещены, в отличие от статей 13 и 14 УВл, которые они воспроизводят, не в середине текста, перед статьями о мерилах, а в самом его конце, перед статьей 22, соответствующей заключительной статье 19 УВл. И это различие лучше объясняется исходя из предположения, что использованию в УВс Синодальной редакции УВл предшествовал более ранний вид текста, использующий какую-то иную редакцию УВл.

В связи с таким предположением большой интерес представляют два отмеченных Б. Н. Флорей чтения, в которых наш памятник совпадает не с Синодальной редакцией УВл, а с Архангельским изводом его краткой, Оленинской редакции. «В “Уставе Всеволода” в преамбуле сказано, что Владимир принял крещение “от греческих царей” и взял в Киев митрополита “Михаила”, а и в Синодальном, и в Крестинском изводах Синодальной редакции говорится о “греческом царе”, а первый митрополит назван “Леоном”»¹³ (Флоря 1999: 86).

Б. Н. Флоря видит в этих чтениях свидетельство редактирования текста УВс по Архангельскому изводу УВл. Теоретически, такое вполне возможно, тем более что пример похожей редактуры можно указать в рукописной традиции УВл. В Румянцевском и Волоколамском изводах Синодальной редакции, представляющих собой переработку текста ее Крестинского извода, имена греческого царя (Константин) и первого митрополита (Михаил) совпадают с называемыми в Пушкинском и Маркеловском изводах Оленинской редакции, откуда, очевидно, они и были заимствованы. Составитель архетипа этих изводов скорректировал данные его основного источника, введя в свой текст более достоверные, на его взгляд, сведения, почерпнутые из другой редакции УВл.

Если бы «оленинские» чтения УВс исчерпывались указанными Б. Н. Флорей упоминаниями «греческих царей» и митрополита «Михаила», мы вполне могли бы предположить, что составитель или редактор нашего памятника поступил аналогичным образом. Между тем более пристальный анализ показывает, что использова-

ние текста Оленинской редакции УВл в УВс носит качественно иной характер. «Оленинских» чтений в УВс намного больше, и они значительно разнообразнее, чем кажется на первый взгляд.

Уже в первой статье УВс имеется, помимо указанных Б. Н. Флорей, еще два таких чтения. В интитуляции акта в УВс, как и во всех списках Оленинской редакции, находим сочетание *великий князь*, при том что в Синодальной редакции читается (во всех изводах и списках) просто *князь*. В последней фразе статьи в УВс и всех списках Оленинской редакции УВл отсутствуют слова *святым крещением*, читаемые во всех списках Синодальной редакции.

Статья 2 УВс, как и все списки Оленинской редакции, кроме Археографического (испытывавшего в этом месте воздействие Синодальной редакции), сообщает об учреждении десятины *в всеи Руской землѣ* (в УВл с другим порядком слов: *въ всеи земли Руской*), тогда как в Синодальной редакции последовательно проведено чтение *по всей земли Русстѣ*. Различие это может показаться несущественным, однако последовательность, с которой тексты противопоставлены по данному признаку, вряд ли случайна.

Имеется также ряд случаев, в которых сходство УВс с Оленинской, а не с Синодальной редакцией выступает в неявной, закамуфлированной форме. Статья 5 УВс передает торговый суд и мерила *святѣи Богородици въ Киевѣ и митрополиту а в Новѣгородѣ святѣи Софии и епископу и старостѣ иваньскому, и всему Новугороду*. Упоминание Киева выглядит здесь явной несообразностью, попыткой связать местные новгородские установления с учреждением Владимиром церковной десятины, о котором сообщалось до этого. Замечательно, однако, что слова *святѣи Богородици и митрополиту* совпадают с чтением статьи 5 Оленинской редакции УВл (*даль есмь святой Богородици и митрополиту и всѣмъ епископомъ*) и не совпадают с чтением Синодальной редакции (*даль есмь ты суды церквамъ, митрополиту и всѣмъ пискупиямъ по Русьской земли*) (о структурном соответствии статьи 4 УВс статье 5 УВл уже было сказано выше).

Статья 8 УВс имеет следующий вид: *А се дахъ въ олтарь святѣи Софии и причту церковному вседенникъ сѣнаникъ, вѣнцыѣ: что суды церковныя, то святѣи Софии; а кто нашего роду пограбить или отиметь, того повелѣхомъ владыцѣ соборомъ въ синаницѣ проклинати*. Считается, что эта статья, передающая причту Софийского

собора синодик и венцы и угрожающая проклятьем нарушителям права церковного суда, не имеет соответствий в УВл¹⁴. В Синодальной редакции памятника соответствия ей действительно нет. Однако оно отыскивается в виде статьи 8 Оленинской редакции, содержащей следующую санкцию: *А кто уступитъ на мое дание, суд мнѣ съ тѣмъ предъ богомъ, а митрополиту проклинати его собором*. Совпадающие слова *собором проклинати* не оставляют сомнений в том, что в основе статьи 8 УВс лежит статья 8 Оленинской редакции УВл. Показательно, что в обоих памятниках за этой статьей следует перечисление «судов церковных».

Наконец, перечень «церковных людей» в статье 17 УВс начинается, как и в Оленинской редакции УВл, словами: *игумень, игуменья*, тогда как в Синодальной редакции игуменья появляется в этом списке позже.

Кажется невероятным, чтобы рассмотренные совпадения УВс с Оленинской редакцией УВл явились следствием вторичного редактирования текста на основе этой редакции. В статьях 5 и 8 «оленинские» чтения обнаруживаются в составе оригинальных установлений, лишь отчасти базирующихся на статьях УВл. Невозможно представить себе, в частности, чтобы редактор статьи 8 УВс, не имевший соответствия в Синодальной редакции УВл, специально обратился к Оленинской редакции, чтобы построить по ее образцу санкцию и при этом выписал из нее только слова *собором проклинати*.

Напрашивается предположение, что приведенные чтения, общие для УВс и Оленинской редакции УВл, как раз и восходят к той более ранней, чем основанная на Синодальной редакции УВл, версии УВс, существование которой мы выше предположили, исходя из общей тенденции развития текстов княжеских уставов, отмеченной Я. Н. Щаповым, и установленного Б. Н. Флорей факта наличия в УВс оригинального новгородского материала второй половины XII в. В отличие от Синодальной, Оленинская редакция УВл достаточно близка реконструируемому Я. Н. Щапову архетипу устава, что делает использование ее в качестве первоначальной основы УВс вполне правдоподобным.

Данное предположение, однако, встречает следующее препятствие. Версия УВл, использованная при составлении новгородского акта конца XII в., обязательно должна была включать статью о

торговых мериллах, на основании которой и была создана соответствующая статья УВс. Между тем в Оленинской редакции эта статья отсутствует. Согласно выводам Я.Н.Щапова, она впервые появилась в архетипе Синодально-Волынской группы, создание которого исследователь относит ко второй половине XII — началу XIII в. Иначе говоря, Оленинская редакция оказывается в данном случае слишком близка к архетипу УВл, чтобы рассматриваться в качестве основы новгородского устава конца XII в.

Для истории текста УВс данное противоречие представляется исключительно важным, приоткрывая еще один, более глубокий пласт этого памятника. Оно означает, что издатель новгородского устава конца XII в. не первым в Новгороде использовал УВл, что этому акту предшествовала еще более ранняя новгородская обработка УВл, основанная на близкой к архетипу версии этого памятника. «Оленинский» слой, очевидно, именно этому древнейшему пласту УВс.

Все сказанное приводит нас к следующей схеме развития основного текста УВс (без дополнительных статей 24–26), складывающейся из трех последовательных этапов:

- 1) первый новгородский княжеский устав, основанный на близком к архетипу тексте УВл (УВс1);
- 2) устав второй половины XII в., основанный на УВс1, отредактированный и дополненный на основе текста УВл, близкого к архетипу Синодально-Волынской группы, с включением нового оригинального материала (УВс2);
- 3) устав конца XIII–XIV вв., основанный на УВс2, отредактированный и дополненный по Синодальной редакции УВл (УВс3).

Согласно предлагаемой схеме, Устав Всеволода представляет собой новгородскую реплику Устава Владимира, воспроизводящую в своей эволюции изменения общерусского оригинала. На каждом из трех этапов этой эволюции текст УВс включал, с одной стороны, исходные (на этапе УВс1) или дополнительные (на этапах УВс2 и УВс3) положения актуальной версии УВл, а с другой — местные добавления к ним или их переделки применительно к новгородской ситуации. Актуальнейшей задачей представляется поэтому стратификация текста УВс, выделение в каждой из двух его составляющих — тексте УВл и оригинальном новгородском материале — фрагментов, восходящих к трем названным этапам.

Решение этой задачи выходит за рамки настоящей работы. Однако сама постановка ее позволяет предложить ответ на центральный в историографии памятника вопрос о личности упоминаемого в нем князя Всеволода. Есть все основания, на наш взгляд, относить это упоминание к древнейшему пласту Устава — УВс1 и считать издателем первого новгородского церковного устава Всеволода-Гавриила Мстиславича.

До последнего времени попытки усмотреть в УВс следы подлинного акта Всеволода Мстиславича разбивались об анахроничные относительно времени его княжения детали в оригинальных фрагментах памятника, которые были отнесены С. В. Юшковым к акту Всеволода. Теперь это препятствие исчезает: анахроничные для начала XII в. установления о торговом суде и мериллах действительно появились позже, в конце столетия, и в дальнейшем подверглись редакции при привлечении Синодальной редакции УВл. Основанная на тексте «Оленинского» типа первая новгородская обработка УВл еще не содержала этих установлений, а связывать с именем Всеволода Мстиславича следует именно ее.

Для атрибуции УВс1 большое значение имеют обстоятельства появления УВс2 в конце XII в. Б. Н. Флоря с полным основанием относит этот акт ко времени первого княжения в Новгороде Ярослава Владимировича, связывая с его изданием перестройку церкви Иоанна Предтечи на Петрятинне дворище в 1184 г. Трудно согласиться, однако, с предложением исследователя видеть во «Всеволоде» УВс Всеволода Большое Гнездо. Предполагаемое таким образом полное игнорирование в этом документе фигуры самого новгородского князя кажется странным, даже если, как это обычно делается, считать Ярослава Владимировича лишь послушным исполнителем в Новгороде воли Всеволода III. Заметим также, что описанный в УВс княжеский совет с участием владыки, старост и десяти сотских, явно проходил в Новгороде, а ни о каком визите Всеволода в Новгород в эти годы летописи не сообщают. С другой стороны, традиционный взгляд на Ярослава Владимировича лишь как на ставленника владими́ро-суздальского князя может и должен быть пересмотрен. Как мы показываем в другой работе¹⁵, Ярослав Владимирович, хотя и был посажен на новгородский стол Всеволодом III, действовал достаточно независимо, стремясь закрепиться в Новгороде как в «своей волости», по праву ему

принадлежащей. Стержневую роль в этой политике играла демонстрация преемственности в отношении первых Мономаховичей — Мстислава Великого (внуком которого он был) и Всеволода Мстиславича. Эта преемственность находит выражение в ряде фактов, вместе отражающих определенную политическую и идеологическую программу: это и возобновление фактически прервавшейся с изгнанием Всеволода Мстиславича традиции княжеского церковного строительства, и походы на Чудь, «копирующие» аналогичные предприятия Мстислава и Всеволода, и обретение в 1192 г. во Пскове мощей Всеволода-Гавриила, и, наконец, именование Ярослава Владимировича «вторым Всеволодом» в ктиторской надписи церкви Спаса на Нередице. Обновление изданного Всеволодом Мстиславичем церковного устава выглядит одним из важнейших звеньев этой программы.

Из предлагаемой схемы сложения УВс вытекает ряд важных следствий для истории текста УВл. Во-первых, если наша схема верна, «оленинские» чтения УВс, включая упоминание «греческих царей» и первого митрополита «Михаила», должны рассматриваться в пределах рукописной традиции УВл как восходящие к архетипу памятника, что немаловажно для его реконструкции этого архетипа. Во-вторых, сложение архетипа УВл должно быть отнесено ко времени до 1136 г. (коль скоро на нем был основан новгородский устав Всеволода Мстиславича), то есть несколько удревнено по сравнению с датировкой Я. Н. Щапова (вторая половина XII в.). Сходным образом удревняется и архетип Синодально-Волынской группы, создание которого Я. Н. Щапов относит к концу XII — началу XIII в.: использование его в УВс2, созданном не позднее 1189 г., определяет верхний хронологический предел данного этапа истории УВл¹⁶.

¹ Юшков С. В. Устав князя Всеволода // Ювелейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927. С. 405–424.

² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. .

³ Рыбаков Б. А. Русь в эпоху «Слова о полку Игореве» // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1966. С. 636–637.

⁴ Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 166–169.

⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 8–90.

⁶ Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 172–173.

⁷ Флоря Б. Н. К изучению Церковного устава Всеволода // Россия в Средние

века и раннее Новое время. Сборник статей к 60-летию Л. В. Милова. М., 1999. С. .

⁸ Щапов Я. Н. Цит. соч. С. 170.

⁹ Щапов Я. Н. Цит. соч. С. 172.

¹⁰ Текст и номера статей УВс и УВл приводятся по изданию: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

¹¹ Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 257.

¹² Щапов Я. Н. Цит. соч. С. 104–105.

¹³ Флоря Б. Н. Цит. соч. С. 86.

¹⁴ Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 256. Заметим, что упоминание в этом контексте венцов весьма неожиданно. Допустимо предположить поэтому, что в *вѣнцѣ* — это неправильно прочитанное *вѣнѣ* — записанное с отражением цоканья наречие *вѣчнѣ*, имеющее в данном случае значение 'навек'. Речь в таком случае идет о Ср. употреблении в близком значении наречия *вѣчно*.

¹⁵ Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. (в печати)

¹⁶ В осторожной форме можно предположить, что восстанавливаемый Я. Н. Щаповым исторический контекст создания архетипа УВл — ученый связывает его с комплексом политических и церковных мероприятий Андрея Боголюбского и прежде всего с постройкой каменной церкви Богородицы (1158) — относится в действительности к архетипу Синодально-Волынской группы. Таким образом, кстати, можно объяснить появление на этом этапе развития текста имени первого митрополита «Леона» — именно так звали иерарха, занявшего Ростовскую кафедру в 1158 г. Именование первого митрополита «Михаилом» в архетипе УВл, следует в таком случае поставить в связь с именем обладателя киевской митрополии в начале 1130-х гг.

О. А. Тарабардина

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОСТРОЕК АНДРЕЕВСКИХ РАСКОПОВ В НОВГОРОДЕ

В ходе археологического изучения Плотницкого конца средневекового Новгорода, особенно активного на протяжении последних лет, на различных его раскопах получено значительное количество материалов для дендрохронологического анализа, на основе которых разрабатывается хронология изучаемых древностей. Эта статья посвящена обобщению результатов дендроанализа сооружений двух раскопов, получивших наименование Андреевских.

Они располагались на Торговой стороне Новгорода, в северо-восточной части древнего Плотницкого конца (вдоль красной за-